
Л. В. СОКОЛОВА

Почему Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве»

Научные работы Д. С. Лихачева, его письма и устные высказывания позволяют утверждать, что Д. С. Лихачев никогда не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве». На чем же основывалась его глубокая убежденность в древности памятника? Размышляя над этим вопросом, я вспомнила о предложении Дмитрия Сергеевича написать работу о методах изучения «Слова о полку Игореве». Необходимость такой работы он сформулировал лаконично: она многое объяснит. Действительно, ответить на вопрос: *почему* Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности «Слова», можно, только выяснив, *как* он изучал «Слово».

Основную отличительную особенность Лихачева как историка и теоретика литературы можно определить его собственным термином, примененным к древнерусской литературе, — «панорамное зрение». «Панорамное зрение» предполагает взгляд на изучаемое явление как бы с большой высоты, «летая умом под облака». Такая точка зрения позволяет охватить взглядом предмет изучения в целом и яснее увидеть своеобразие отдельных его этапов.

«Панорамное зрение» дает возможность Д. С. Лихачеву отвлечься от характеристики микрообъектов и дать макрохарактеристику литературы XI—XVII вв.: во-первых, сформулировать эстетические принципы всей древнерусской литературы *в целом*, существенно отличающиеся от эстетических принципов литературы нового времени, а во-вторых, сформулировать эстетические принципы основных, крупных этапов развития самой древнерусской литературы. Д. С. Лихачев, используя термин Александра Флакера «эстетическая формация»,¹ выделяет в древнерусской литературе четыре «эстетические формации»: монументально-исторический стиль X—XIII вв., стиль эпохи Предвозрождения (XIV—XV вв.), стиль второго монументализма XVI в. и эстетическую формацию XVII в.²

¹ Flaker A. 1) Stilске formacije Zagreb, 1976. 2) Stilistic Formation // Neohelicon 1975 N 1—2 P 183—207

² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973

Четкое представление о своеобразии древнерусской литературы и особенностях каждого из ее этапов, понимание историко-литературного смысла этих четырех эпох дали возможность Д. С. Лихачеву рассматривать отдельно взятое произведение не только с точки зрения его соответствия эстетическим принципам древнерусской литературы в целом, но и с точки зрения его соответствия определенной литературной эпохе, определенной эстетической формации, определенному типу сознания³

Именно с этих позиций подходил Д. С. Лихачев и к изучению «Слова о полку Игореве». Неоценимая заслуга Д. С. Лихачева в том, что он создал *систему научных доказательств* принадлежности «Слова о полку Игореве» древнерусской литературе и при этом конкретному этапу ее развития — эстетической формации XI—XIII вв., стилю монументального историзма.⁴

Характеризуя «Слово» как произведение XII в., Д. С. Лихачев говорит об отражении в «Слове» религиозных, естественнонаучных и исторических представлений этого времени, о соответствии «Слова» эстетическим принципам стиля монументального историзма. Д. С. Лихачев, как видим, исходит из тех же убеждений, что и В. М. Жирмунский, который в 1920-е гг. написал: «Духовная культура каждой большой исторической эпохи, ее философские идеи, ее нравственные и правовые убеждения и навыки и т. д. образуют в данную эпоху такое же единство, как и ее художественный стиль. Изменение жизни в этих параллельных рядах различных культурных ценностей происходит одновременно. Между изменениями в области эстетики, морали, философии и религии историки культуры издавна почувствовали связь <...>. Эволюция стиля как системы художественно-выразительных средств или приемов тесно связана с изменением общего художественного задания, эстетических навыков и вкусов, но также — *всего мироощущения эпохи*. В этом смысле большие и существенные сдвиги в искусстве (например, Ренессанс и барокко, классицизм и романтизм) захватывают одновременно все искусства и связаны с *общим сдвигом духовной культуры*».⁵

Д. С. Лихачев показывает принадлежность «Слова о полку Игореве» именно всей духовной культуре XI—XIII вв. Не случайно его книга так и называется: «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени».⁶ Тем самым он наглядно опровергает тезис «скептиков», что в «Слове» нет никаких следов XII в., кроме его сюжета.

³ Как справедливо заметила Франсуаз Лесур, «Д. Лихачев близок к тому, чем занимаются „историки типов сознания“, которые также ставят целью выявление структур сознания и их эволюции, проявляющейся и одновременно определяющейся различными формами „культурной“ < > деятельности. И эта задача определяет специфические размеры области их исследований: все они, в основном, работают в рамках „большого времени“». См. Лесур Ф. Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 1997. С. XXXIV.

⁴ Отмечу, что в исследованиях древнерусского искусства Г. К. Вагнера стиль также рассматривается «как мировоззренческая, эстетическая проблема, и вместе с тем как исторически конкретная категория». См. Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987. С. 7.

⁵ Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 37—38.

⁶ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

Что же позволяет Д. С. Лихачеву видеть в «Слове» гораздо больше того, что видели в нем его оппоненты?

В одной из статей Д. С. Лихачев вводит понятие «идеологический фон» литературного произведения.⁷ По его мнению, в идеологической стороне каждого литературного произведения есть как бы два слоя: один слой вполне сознательных утверждений, мыслей, идей, которые автор стремится внушить своим читателям. Второй слой — *это непреднамеренное отражение в произведении мировоззрения его автора*. Этот второй слой и есть «мировоззренческий фон» литературного произведения. Он начинает активно действовать только тогда, когда произведение переходит в другую эпоху, к другим читателям, где этот слой необычен. В отличие от первого слоя — декларируемых автором убеждений, второй слой скрыт и может быть изучен только путем анализа текста. Именно этим филигранным литературоведческим анализом мировоззренческого фона «Слова о полку Игореве» и занимается Д. С. Лихачев, делая это с большим мастерством, тщательно и искусно, с вниманием к тонким деталям.

К составу «мировоззренческого фона» в «Слове» Д. С. Лихачев относит прежде всего языческие представления, которыми «Слово» буквально пропитано. Объясняя языческие элементы в «Слове», созданном в XII в., Лихачев ссылается на зарубежных исследователей, по свидетельству которых такое поэтическое возрождение язычества наблюдалось в XII в. и в Западной Европе и объяснялось, по мнению Р. О. Якобсона, тем, что язычество перестало быть опасным для христианства.

В отличие от А. Мазона, усмотревшего в «Слове» только первый, поверхностный языческий слой, т. е. имена языческих богов, упоминание которых он уподобил расхожему клише XVIII в.: «поэты — сыновья Аполлона», Д. С. Лихачев выявляет в «Слове» *целый комплекс* языческих представлений, «живые» верования еще не ушедшего в прошлое язычества, и возможные поэтому лишь в ранний период христианства. Это и особая связь человека с природой, отражающая анимистические верования; это и представление о чувствах (веселье, тоске, туге), существующих как бы отдельно от человека (чувство материализуется) и способных охватывать собой пространство; это и вера в сновидения, символический смысл которых был настолько важен, что толковался на княжеской думе, и многое другое. Д. С. Лихачев отметил также, что вера в приметы в «Слове» существенно отличается от веры в приметы нового времени — они имеют явно языческий характер. Позволю себе проиллюстрировать эту мысль Дмитрия Сергеевича собственным наблюдением.

И в Ипатьевской летописи, и в «Слове» князь Игорь во время солнечного затмения обращается к воинам с речью, но смысл этих речей различен. В Ипатьевской летописи автор-христианин вкладывает в уста Игоря христианский взгляд на затмение: «Знамению творец Бог, а на добро или зло — это мы уви-

⁷ Лихачев Д. С. «Идеологический фон» литературного произведения. На примере «Слова о полку Игореве» // Литература, язык, культура: Сб. статей. М., 1986. С. 31—34. То же: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. СПб., 1998. С. 401—406.

дим». В «Слове» Игорь высказывает языческий взгляд на солнечное затмение: это знамение, смысл которого однозначен и которое непременно сбудется. Альтернатива для Игоря в «Слове» — не победа или поражение, как в Ипатьевской летописи, а смерть или плен. И он выбирает первое: «Лучше уж убитым быть, нежели полоненым быть». Автор поясняет далее, почему Игорь, зная о неминуемом поражении, продолжает поход: страстное желание изведать Дону Великого овладело Игорем и заслонило ему знамение.⁸ Исследователи заметили, что словом «уже» автор во всех случаях начинает повествование о трагических событиях. Почему? Да потому, что автор этим словом подчеркивает: предзнаменование уже сбылось! Уже свершились те события, которые предвещали солнце, звери, птицы!

Замечательное наблюдение сделано Д. С. Лихачевым относительно представлений о сущности света и тьмы в «Слове».⁹

Согласно учению Иоанна Дамаскина, в мире существует только свет. Тьма же — отсутствие света, лишение света. Однако, по наблюдению Д. С. Лихачева, ни в одном памятнике XI—XIII вв., в том числе и в «Слове о полку Игореве», это представление Иоанна Дамаскина не отразилось. В «Слове о полку Игореве» тьма — не просто отсутствие света, но активное, действующее начало, а вся борьба русских с врагами поэтически трансформируется в представление о борьбе света с тьмой. Д. С. Лихачев связывает это представление о свете и тьме с учением Дионисия Ареопагита, согласно которому Бог посылает свет, но он же посылает и тьму. Возможно, однако, что в «Слове о полку Игореве» отражено языческое представление: свет и тьма — это одна из пар бинарных мифологических оппозиций, олицетворяющих единство и борьбу противоположностей.

Говоря о «Слове о полку Игореве» как о памятнике древнерусской литературы, Д. С. Лихачев отмечает именно древнерусское представление и о времени в «Слове». Изображение времени в художественном произведении зависит от естественных, обычных для своей эпохи представлений о движении времени. Последнее особенно наглядно, по мнению Д. С. Лихачева, в памятниках античной и средневековых литератур. Здесь художественная воля автора как бы «накладывается» на не осознаваемый им материал представлений о времени, свойственных людям его эпохи. Так, например, в отличие от наших представлений о времени, располагающих будущее впереди нас, а прошлое — позади, средневековые русские представления о времени называли прошлые события «передними» и располагали время не эгоцентрически (относительно нас), а в едином, каждый раз своем ряду — от их начала до настоящего, «последнего» времени.¹⁰

⁸ Вот почему далее он уже допускает возможность победы «С вами, русичи, готов главу свою сложить или же испить шелоном Дону»

⁹ Лихачев Д. С. «Свет» и «тьма» в «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени СПб, 1998 С 283—287

¹⁰ Лихачев Д. С. Представления о времени в «Слове» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л, 1978 С 199—205 См также Лихачев Д. С. Художественное время словесного произведения // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы Смех как мировоззрение и другие работы СПб, 1997 С 11

Наряду с *мировоззренческими, философскими* представлениями эпохи X—XIII вв., отраженными в «Слове», Д. С. Лихачев анализирует также *исторические и политические* представления автора «Слова о полку Игореве»,¹¹ причем не просто показывает их полное соответствие историческим и политическим представлениям конца XII в., но также заставляет читателя увидеть в авторе «Слова» человека, который обращается к своим современникам, столь же хорошо знающим те события и тех исторических лиц, о которых он вскользь упоминает или на которые туманно намекает.

Особо отмечает Д. С. Лихачев поэтизацию в «Слове» феодального быта, отражение феодальной символики и дружинных представлений, наполняющих собой «Слово»¹² и совершенно чуждых, как подчеркивает ученый, автору «Задонщины», принадлежащей другой эстетической формации. В «Слове», в частности, нашли отражение *этические представления* рыцарской, дружинной эпохи об идеальном воине. Кодекс чести требовал от воина, дабы не быть посрамленным, забыть в бою о своем доме, жене, детях, даже о собственной жизни. Это представление нашло отражение в «поучении о терпении и милостыни» Феодосия Печерского: «...воину Христову лепо ли есть лениться? Да или то они за тщую славу и изгибающую не помнят ни жены, ни детей, ни имения. Да что мню имение, еже есть хуже всего, но и главы своя ни в что же помнать, дабы им не посрамленным быти».¹³ Летопись также отражает это требование к идеальному воину. В частности, князя Мстислав Мстиславич и «Володимер» Рюрикович, укрепляя своих новгородцев и смолян, говорили им: «Забудем, брате, домов, жен, и дети» (Летопись по Академическому списку под 1216 г.). «Поразительно близок идеалу воинской увлеченности сражением, — пишет Д. С. Лихачев, — образ Всеволода Буй Тура».¹⁴ Всеволод сражается, «забыв чти и живота, и града Чернигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая».

Профессор Ё. Накамура привел интересную параллель к описанию сражающегося Всеволода из средневековой японской Повести о доме Тайра: «В старину полководец, выезжающий из столицы с повелением разгромить государевых врагов, знал три вещи: в тот день, когда ты пожалован командирским мечом, — забудь свой дом; покидая свой дом, — забудь жену и детей; когда же на поле брани сражаешься с противником, — забудь о самом себе».¹⁵

¹¹ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей. М., Л., 1950. С. 5—52.

¹² Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 53—92.

¹³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894. Вып. 1. С. 39.

¹⁴ Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 67.

¹⁵ Накамура Ё. «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра» (сравнение с точки зрения системы цветов) // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 82—83.

Очень характерно, что в «Задонщине» мы встречаемся не просто с отсутствием этой формулы воинской чести, но с прямой ее противоположностью. Великий князь Дмитрий Иванович говорит своим боярам, подбадривая их во время битвы: «Братия бояра и воеводы, и дети боярьские, то ти ваши московские слаткие меды и великие места!». Как видим, Дмитрий Иванович призывает своих бояр не *забыть* во время боя о своей «чести», «великих местах», а, напротив, *помнить* об этом и вдохновляться этим во время сражения.¹⁶

Д. С. Лихачев отмечает также, что в «Слове» широко отражен обычай славления, пения слав князьям. Слава — важное феодальное понятие, и именно для эпохи XI—XIII вв. Понятие славы было не только в литературе — оно было в самой жизни, и именно из жизни проникло и в летопись, которая, по выражению Д. С. Лихачева, «до краев наполнена звоном военной славы», и в литературные произведения. «Можно смело сказать, — пишет Лихачев, — что вся деятельность русских князей и русских воинов проходила в обстановке общественных и исторических откликов на нее современников и потомков. Князья постоянно считаются с тем, как на их деятельность взглянут современники и потомки, как будут оценены их поступки. Князья стремятся „поревновать“ своим отцам и дедам, „добрые славы добыти“, ищут себе „чести и славы“». ¹⁷ Мотив славы — это мотив литературы XI—XIII вв., обусловленный самой жизнью, феодальной, дружинной традицией.

Перейдем к *эстетическим представлениям* эпохи монументального стиля, в согласии с которыми создавалось «Слово о полку Игореве». Программой в этом отношении является статья Д. С. Лихачева 1976 г. «„Слово о полку Игореве“ и эстетические представления его времени». ¹⁸ Какие же эстетические принципы монументального стиля нашли, по мнению Д. С. Лихачева, отражение в «Слове»?

Для этого стиля, родственного, по убеждению Д. С. Лихачева, романскому стилю западноевропейского искусства, характерно чувство вселенной, ее масштабов. В этот период развито то самое «панорамное зрение». Стремясь видеть окружающее в рамках представлений этого стиля, летописцы, авторы житий, церковных «слов» смотрят на мир словно с большой высоты или с большого удаления. Не случайно в литературе XI—XIII вв. так часто встречается восходящий к Шестодневу мотив парящей, подобно орлу, мысли, летающего под облаками ума. ¹⁹ Приступая к проповеди, или к житию святого, или к историческо-

¹⁶ В статье «Черты подражательности „Задонщины“» (РЛ. 1964. № 3. С. 88) Д. С. Лихачев пишет: «Типичный московский бюрократизм XIV—XV веков сказывается не только в стиле, но и в содержании. Например, забота о „местах“, о служебном положении. Дмитрий Донской перед выступлением в поход говорит своим боярам: „Туту добудѣте себѣ мѣста и своимъ женам“».

¹⁷ Л и х а ч е в Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 32.

¹⁸ РЛ. 1976. № 2. С. 24—37. В последнем издании книги Д. С. Лихачева «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени» (СПб., 1998) указанная статья названа иначе: «„Слово“ и художественный стиль эпохи».

¹⁹ Д. С. Лихачев подчеркивает, что на фоне таких представлений о человеческом уме, о мысли созданные автором «Слова» метафорические образы ума и мысли, которые летают, мысли, способ-

му сочинению, авторы испытывали необходимость окинуть взором всю землю. В литературе XI—XIII вв. развито стремление подчеркивать огромность расстояний, сопрягать в изложении различные удаленные друг от друга географические пункты. Сознание громадности мира было, по словам Лихачева, не только в искусстве, но и в обыденной жизни. Не случайно князья призывали в свидетели своей правоты всю «подънебсную» (Ипатьевская летопись под 1288 г.).

«Панорамное зрение» в широкой степени сказывается, по наблюдению Лихачева, и в «Слове о полку Игореве». Помимо того что повествование в «Слове» непрерывно переходит из одного географического пункта в другой, автор «Слова» все время охватывает многие географические пункты своими призывами, обращениями и историческими воспоминаниями. Каждое действие воспринимается словно с огромной высоты. Благодаря этому битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры. Битва как бы наполняет собою всю степь.

Второй эстетический принцип монументального стиля, отмечаемый Лихачевым, — это *принцип эстетизации дистанций*, или «эстетика дистанций». Для того чтобы объект литературы стал в XI—XIII вв. опозитизированным, возвышенным, нужна была дистанция — пространственная, историческая, иерархическая. Этим объясняется изображение события и на фоне широкой пространственной панорамы, и на широком историческом фоне, и в рамках той или иной иерархической системы.

Чрезвычайно характерна для стиля монументального историзма дистанция *во времени*, дистанция *историческая*. Событие и действующее лицо, представленные в ореоле истории, приобретали особенную внушительность, репрезентативность. Мы можем довольно четко, отмечает Лихачев, установить в «Слове о полку Игореве» ту «временную» дистанцию, которая требуется его автору, чтобы опозитизировать современность: это один век или чуть меньше. Автор «Слова» постоянно говорит о дедах и дедовской славе. «Слово о полку Игореве» буквально напоено проявлениями этого культа предков — дедов и прадедов, но через головы отцов. Это и понятно, пишет Лихачев, если принять во внимание характерную для этого времени «эстетику дистанций».

Одной из существеннейших сторон монументально-исторического стиля наряду с «панорамным зрением» и «эстетикой дистанций» была, по мнению Лихачева, церемониальность. «Я бы даже сказал, — пишет Лихачев, — демонстративная церемониальность». Это третий эстетический принцип монументально-исторического стиля.

Церемониальность находилась в прямом соответствии с монументальностью литературы, которая требовала репрезентативности, торжественности, величественности. Она требовала не столько изображения действительности, сколько ее оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам. Средневековая церемониальность и этикетность — это

ной уносить ум «на дѣло» или мерить поля, *закономерны для XII в.* При этом нельзя не отметить, продолжает Д. С. Лихачев, что ни одна из этих четких и вполне обоснованных мировоззрением начитанного автора XII в. метафор не нашла отражения в «Задонщине».

попытка эстетически утвердить вечное значение происходящего и заявить о значительности события. Церемониальность была характерна прежде всего для княжеского феодального быта и из него пришла в литературу. Лихачев перечисляет целый ряд церемониальных положений в «Слове о полку Игореве». Как правило, все они связаны с церемониальностью княжеского и дружинного быта, церемониальностью военного похода.²⁰

Вероятно, принципом церемониальности можно объяснить и еще одну особенность литературы XI—XIII вв., охарактеризованную Лихачевым в статье «Устные истоки художественной системы „Слова“». По его словам, древняя русская письменность XI—XIII вв. почти не знает косвенной речи. Слова действующих лиц повествования, за редкими исключениями, передаются в форме прямой речи. Дмитрий Сергеевич объяснил это стремлением автора подчеркнуть «документальность» речей. Но можно отметить также этикетность этих речей, что доказывает, на мой взгляд, их именно церемониальный характер. Князь, обращаясь к воинам, произносит, как правило, этикетную воинскую формулу. Церемониальность речей в литературе XI—XIII вв. доказывается и отмеченной Дмитрием Сергеевичем церемониальностью речей *в жизни* того времени. Дмитрий Сергеевич пишет: «В чисто эстетическом плане главный жанр литературы этого периода — ораторский. Ораторское выступление было в этот период частью церемониала — церковного и светского».²¹

Сопоставляя прямую речь в «Слове» и в «Задонщине»,²² Д. С. Лихачев отмечает, что в «Слове» все обращения Игоря Святославича к воинам, к князьям, обращения Всеволода Буй Тура и Святослава Киевского в «золотом слове» имеют внутреннюю мотивировку. Они вызваны конкретными обстоятельствами и отражают существовавшую традицию устной речи в эпоху феодализма XI—XIII вв. Иной характер носят речи князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Речи действующих лиц в «Задонщине» — это как бы мысли вслух. Они носят условный характер. Это речи, сказанные за автора, чтобы мотивировать поступки действующих лиц или дать комментарий к событиям. Еще одна особенность обращений в «Задонщине» состоит в том, что стиль и характер устного слова в них утрачены. Обращения содержат элементы книжности, невозможные в устных выступлениях. В этом их разительное отличие от прямой речи в «Слове», сохраняющей в строгом соответствии с литературной традицией XI—XIII вв. либо характер воинских речей, либо характер ораторских обращений, но никогда не включающей книжных элементов.

Указанными *эстетическими принципами* изображения человека и события не ограничивается соответствие «Слова» стилю монументального историзма XI—XIII вв. Д. С. Лихачев отмечает, что «Слово» откликается не только на эстетические представления в литературе и искусстве. Оно отражает и те *эстетические нормы*, которые существовали в самой жизни, в феодальном быте

²⁰ Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени. С. 58—60.

²¹ Там же. С. 59.

²² Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». С. 94—95.

времени. Иерархическое устройство общества отразилось в установленной в нем иерархии эстетических ценностей.

В современной нам литературе почти отсутствует деление явлений самих по себе на эстетические и антиэстетические. В средневековой литературе, напротив, выделены определенные категории жизненных явлений, которые признаются эстетически ценными и откуда по преимуществу черпается поэтическая образность. В литературе монументально-исторического стиля эстетически ценно прежде всего то, что связано с высшим светским слоем феодального общества. Именно светским, а не церковным. Наиболее частое сравнение праведного поведения подвижника этого времени — с ратным трудом. Второй слой эстетических ценностей — охота, и при этом соколиная по преимуществу.²³

Д. С. Лихачев указал также некоторые *особенности поэтики* литературных произведений монументального стиля, нашедшие отражение в «Слове».

В статье «„Слово о полку Игореве“ и особенности русской средневековой литературы»²⁴ Лихачев касается тематики литературных произведений XI—XIII вв. Вот что он пишет. «Почти все произведения древней русской литературы XI—XIII вв. посвящены реальным событиям, избирают эти события из живой современности, описывают события только что случившиеся». *«Литературная тенденция была остро современна»*. Характерно, подчеркивает Лихачев, что поводом для написания литературного произведения часто было общественное несчастье, служившее нравоучительной основой не только для церковной, но и для чисто светской литературы. Проповедь политического единения, призывы к исправлению нравов, к борьбе с врагами опирались на события, недавно свершившиеся, которые еще были полны эмоциональной силы. Этим во много раз увеличивалась действенность проповеди.²⁵ Только в том случае, когда описываемое событие еще не стало далеким прошлым, когда его эмоциональное воздействие на читателей сохраняется, возможен столь эмоциональный, лирический отклик на него. Интересно в этом плане наблюдение Лихачева над тем, как эмоциональный рассказ о том или ином событии в летописи спустя время, при составлении новых летописных сводов становился более сдержанным, спокойным

Вот почему Лихачев считал, что нельзя датировать «Слово» без ущерба для его идейной и эстетической ценности. «В XII в. „Слово“ было произведением огромной идейной силы, произведением, призывавшим к единству, обличавшим усобицы князей. Его общественный пафос был огромен, и только в связи с этим можно понять и его эстетическую ценность. <...> Вопрос о дате „Слова“ — это вопрос быть или не быть „Слову“. Это вопрос жизни или смерти для этого памятника».²⁶

²³ Приводимые Д С Лихачевым примеры из литературы см Лихачев Д С «Слово» и эстетические представления его времени С 64—69

²⁴ Лихачев Д С «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // Лихачев Д С «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л, 1985 С 6—38

²⁵ Там же С 16—18

²⁶ Лихачев Д С Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // ВЛ 1964 № 8 С 133

Отмечает Лихачев и особенность художественного языка монументального стиля XI—XIII вв. Ему свойственна особая лаконичность и краткость. Здесь нет орнаментики. Монументальность требует выразительности при немногословии. Лаконичность и афористичность языка характерны и для «Слова о полку Игореве».²⁷ Заслуга лингвистов, отмечает Лихачев, в том, что они показали полное соответствие «Слова о полку Игореве» самой системе языка XI—XIII вв.

В связи с этим укажем одну особенность художественного языка «Слова», которая резко выделяет его среди других произведений XI—XIII вв., — изобразительность языка. Отличие языка «Слова» от языка современных ему произведений — это, по мнению Лихачева, отличие поэтического языка от прозаического. По словам Лихачева, «Слово» не противоречит нашим представлениям о литературе его времени, оно лишь расширяет эти представления.²⁸ Действительно, не пришло же никому в голову передатировать поэзию трубадуров, писавших в изощренном стиле, только на том основании, что эта поэзия не соответствует простоте и ясности других произведений того же периода.

Продолжая наблюдения Лихачева, можно отметить соответствие «Слова» и такой особенности монументального стиля, как конструктивная четкость членения всей композиции, чувство значительности и значимости каждой части произведения. В «Слове» четко выделяются отдельные фрагменты: Зачин, Рассказ о походе Игоря, Сон Святослава, Злато слово Святослава, Повествование о полоцких князьях, Плач Ярославны, Рассказ о бегстве Игоря, Концовка.

Обобщая рассмотрение особенностей монументально-исторического стиля XI—XIII вв., Д. С. Лихачев подчеркивает, что эти особенности лежат не только в эстетических принципах. Существуют и некоторые этические принципы, общие для произведений этого времени и тесно связанные с принципами эстетическими. Есть и известная эстетическая сосредоточенность на определенных темах, мотивах. Внимание людей этого времени выделяло в окружающем их мире однородный ряд фактов как эстетически ценный. В целом многие традиции, обычаи, привычки сливались с эстетическими принципами, становились характерными для этого периода признаками стиля, пронизывавшего не только все искусства, включая литературу, но и весь жизненный уклад XI—XIII вв. Перед нами не столько стиль, сколько «эстетическая формация».²⁹

Как было показано, статьи Д. С. Лихачева разных лет складываются в стройную систему доказательств полной подчиненности «Слова о полку Игореве» сформулированным ученым принципам эстетической формации XI—XIII вв., принципам стиля монументального историзма. В «Слове» отражены тип сознания и уровень знаний человека эпохи XI—XIII вв.

²⁷ Лихачев Д. С. «Слово» и художественный стиль эпохи // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. СПб., 1998. С. 68—69.

²⁸ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. С. 47.

²⁹ Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени. С. 69—70.

* * *

Столь же убедительно доказал Д. С. Лихачев принадлежность «Задонщины» другой литературной эпохе — эстетической формации XIV—XV вв.³⁰ При этом Лихачев наглядно показал вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову», устранив тем самым главный аргумент скептиков. Скептики, как известно, пытаются доказать позднее происхождение «Слова» тем, что оно создано на основе «Задонщины» и, следовательно, после нее.

Вопрос об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» имеет целый ряд аспектов, каждый из которых в той или иной мере может определить первичный характер «Слова» и вторичный «Задонщины». Отношения обоих памятников друг к другу могут изучаться с различных точек зрения: историко-литературной, историко-культурной, лингвистической, текстологической. Д. С. Лихачев рассмотрел взаимоотношение этих памятников с точки зрения поэтики, а конкретнее — с точки зрения поэтики подражаний.

Для писателей эпохи Предвозрождения было характерно обращение к «своей античности» — литературе домонгольского периода. Но их освоение литературы XI—XIII вв. не было подражанием стилю монументального историзма, это были, по выражению Д. С. Лихачева, «*нестилизационные подражания*». Заимствовали отдельные понравившиеся выражения, формулы, образы, приспособляя их к новому содержанию, инкрустируя их в свой текст. При таких заимствованиях неизбежно происходили однородные для всех нестилизационных подражаний явления деформации текста-образца. Сложные образы, особенно тесно связанные с содержанием оригинала, либо опускались, либо искажались подражателями, либо упрощались, теряя свою глубину и многозначность. Часто стилистические обороты оригинала механически соединяются в подражании с элементами более привычного автору стиля. Поэтому подражательное произведение стилистически более или менее неоднородно.

Поэтику подражания Д. С. Лихачев наглядно демонстрирует на сравнительном анализе стиля «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», показывая, что признаки подражательности обильны в «Задонщине» и отсутствуют в «Слове о полку Игореве». При этом Лихачев объясняет сам факт обращения автора «Задонщины» именно к «Слову»: «Слово» с его темой поражения русских от поганных давало автору «Задонщины» возможность воплотить идею реванша.

Анализируя текст «Задонщины», Лихачев выявляет в нем следующие характерные черты поэтики подражания (каждой Лихачев посвящает особый раздел статьи): стилистическая неоднородность «Задонщины», стилистическая бедность «Задонщины», композиционная вторичность «Задонщины», хронологическая непоследовательность «Задонщины», несоответствия новому содержанию в «Задонщине». Подводя итоги рассмотрению «Задонщины» как подражательного произведения, Лихачев показывает, что подражания такого типа (нестилизационные подражания) были типичны для конца XIV и XV в.

³⁰ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». С. 84—107.

В заключительном разделе статьи («Подражания и стилизации в историко-литературном процессе») исследователь высказывает очень важную мысль: если считать «Слово» подражанием «Задонщине», то придется признать «Слово» стилизацией. Стилизация предполагает в стилизаторе тонкое чувство стиля, умение самостоятельно творить в стиле оригинала, соблюдать единство избранного стиля. Когда же стали в русской литературе возможны стилизации? Отвечая на этот «очень сложный и мало разработанный вопрос», Д. С. Лихачев приходит к выводу, что в конце XVIII в., когда было открыто «Слово», стилизации еще не существовали. «Слово» было открыто в обстановке, когда во множестве открывались и издавались памятники русской истории, но все эти памятники ценились прежде всего как исторические источники, а не как литературные памятники.

Обычно скептики сопоставляют «Слово» с известной чешской подделкой XIX в. — так называемой Краледворской рукописью: случай, мол, аналогичный. Это сопоставление, по убеждению Д. С. Лихачева, грешит антиисторичностью. Краледворская рукопись создана совершенно в другое время — в первой трети XIX в., в обстановке позднего романтизма, в особых условиях борьбы чешских ученых за национальную культуру. Краледворская рукопись создана в то время, когда уже были представления о древнечешском языке, об исторической изменчивости стиля, литературы и т. д.

Эта статья Д. С. Лихачева не оставляла никаких сомнений во вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову». Демонстрировала она и полную несостоятельность тезиса А. Мазона о художественном превосходстве «Задонщины» над «Словом». «Задонщина», по выражению Лихачева, произведение бледное, «оно светит отраженным светом».³¹

Итак, убежденность Д. С. Лихачева в подлинности «Слова о полку Игореве» была основана на прекрасном знании всей древнерусской литературы, понимании особенностей отдельных ее этапов, историческом подходе к конкретному литературному произведению.

* * *

Но если научная истина одна, то чем в таком случае объяснить выводы скептиков о позднем происхождении «Слова»? Опять-таки методами их работы. Мысль о зависимости выводов исследования от методов, с помощью которых ведется исследование, не раз высказывал Д. С. Лихачев.

В 1964 г., в разгар полемики с А. А. Зиминим, в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья Д. С. Лихачева, объясняющая суть полемики между скептиками и защитниками древности «Слова».³² Исследователь

³¹ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». С. 103, примеч. 40.

³² Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? С. 132—160. См. также более раннюю статью Д. С. Лихачева «Изучение „Слова о полку Игореве“ и вопрос о его подлинности» в кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века (М.; Л., 1962. С. 5—78).

затрагивает здесь разные аспекты проблемы.³³ Статья эта очень важна тем, что в ней Д. С. Лихачев дал очерк истории «скептицизма», а главное — рассмотрел и подверг критике методы работы скептиков.

Во-первых, Д. С. Лихачев отмечает поверхностные суждения скептиков о текстах изучаемых памятников, отсутствие их глубокого анализа. Примером могут служить уже упоминавшиеся суждения А. Мазона о язычестве в «Слове». Но это далеко не единственный случай. Столь же поверхностные и потому ошибочные суждения высказывались о тексте «Задонщины». Согласно концепции Я. Фрчека и А. Мазона, в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» нашла отражение первоначальная трактовка этой битвы как поражения русских. Данная точка зрения противоречит тому, что уже в начале текста Кирилло-Белозерского списка, как и в других списках «Задонщины», приводятся приметы, предсказывающие победу русских и поражение татар; это наглядно свидетельствует о том, что «Задонщина» изначально была произведением о победе русских над татарами.

Во-вторых, Лихачев отмечает, что и у А. Мазона, и у А. А. Зимина так называемый текстологический анализ очень часто превращается в крайне субъективное и произвольное толкование текста. Берутся не тексты как целое, а сравниваются отдельные эпизоды; при сличении же текстов по эпизодам можно «доказать» любую мысль, стоит лишь опустить противоречащие этой мысли эпизоды.

В-третьих, скептики используют «тактические умолчания». Утверждая, что «Слово» — историческая поэма XVIII в., они не отвечают на вопрос, на каком языке оно написано. Лингвисты пришли к мнению, что по своей системе перед нами, вне всякого сомнения, язык XII в., в который вторглись некоторые особенности языка переписчиков XV—XVI вв. Выходит, что автор XVIII в., создавая историческую поэму, пишет на языке XII в.?

Не ответили скептики, как указывает Д. С. Лихачев, и на другие вопросы своих оппонентов. «Сто раз скептикам задавался один и тот же вопрос: почему надо было подлинную повесть о величайшей победе русских над татаро-монголами заменять мистификацией, рассказывающей о крупном поражении мелкого новгород-северского князя Игоря от половцев? На этот вопрос еще ни разу не было получено ответа. Вопрос этот не замечали, а он очень существен, осо-

³³ Статья имеет такие подзаголовки: «Значение вопроса о дате „Слова“», «Строгая историчность в установлении и изучении подделок и стилизаций», «Скептицизм тоже нуждается в историческом подходе», «Требования к текстологическому исследованию списков „Задонщины“», «Могла ли версия Куликовской битвы Кирилло-Белозерского списка „Задонщины“ быть древнейшей версией?», «Действительно ли „Слово о полку Игореве“ во всем ближе к позднейшим спискам „Задонщины“?», «Текстологический треугольник», «Поэтика подражаний», «Что должно было больше отвечать национальному чувству русских в XVIII веке — победа или поражение?», «На каком языке написано „Слово“?», «Знания по историческим источникам или знания современника?», «Параллель или источник? (о приведенных к тексту «Слова» многочисленных параллелях из современной ему литературы русской, древнеболгарской, древнесербской, византийской, которые скептики рассматривают как источники «Слова». — Д. С.)», «„Слово“ и XVIII век».

бенно если пытаться доказывать, что „Слово“ должно было призывать к завоевательной политике России на юге». ³⁴

Наконец, скептики игнорируют принцип историзма. Они верят в то, что в XVIII в. было возможно создание произведения любого жанра, любого стиля, что так убедительно было опровергнуто Ю. М. Лотманом. Он показал глубокое различие между «Словом» и литературой XVIII в., а также несоответствие «Слова» тем представлениям о древнерусской литературе, которые бытовали в XVIII в. среди представителей разных общественных взглядов и литературных течений. ³⁵ Его статья, пишет Лихачев, дала в этом отношении огромный материал, делающий совершенно невозможным перенос «Слова» в XVIII в. Ученый не может не считаться с этим материалом. Просто не замечать его теперь уже нельзя. Кроме того, Лихачев отмечает, что если бы «Слово» принадлежало XVIII в., оно не могло бы обладать такой «способностью» оказываться все более и более объясненным материалом XII в. Каждый памятник раскрывается только в связи с реалиями своей эпохи. XVIII век еще не объяснил ни одного из так называемых темных мест «Слова».

Завершает Д. С. Лихачев свою статью так: «Есть ли основания беспокоиться, что „Слово“ может исчезнуть с горизонта русской культуры? Нет, никаких беспокойств за „Слово“ быть не может. „Слово“ — памятник словесного искусства, и в том-то его отличие от произведений архитектуры или живописи, что его невозможно сжечь, как было сожжено одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской...

„Слово“ останется всегда, сомнения же возникали и проходили».

³⁴ Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? С. 148.

³⁵ Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 330—405.